

Маленькая Рок / новелла

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Маленькая Рок / новелла МАЛЕНЬКАЯ РОК

I.

Почтальон Медерик Ромпель (местные жители звали его просто Медери) вышел в обычный час из почтового отделения Роюи-ле-Тор. Пройдя по городу крупным шагом отставного солдата, он пересек Вильомские луга, чтобы выйти к берегу Брендили и пройти вниз по течению, к деревне Карвлен, где начиналась раздача писем.

Он быстро шел берегом узкой речки, которая пенилась, журчала, бурлила и бежала по руслу, поросшему травами, под сенью ив. Вокруг больших камней, останавливающих течение, вода вздувалась валиком, охватывая их, словно галстук с бантом из пены. Местами встречались крошечные водопады; часто невидимые, они сердито и нежно рокотали под листьями, под лианами, под навесом зелени; а дальше берега расступались и в тихих заводях среди зеленых прядей, стелющихся на дне спокойных ручьев, плавали форели.

Медерик все шел и шел, ни на что не глядя, думая об одном: «Первое письмо для Пуавронов, потом есть письмо господину Ренарде; надо, значит, пройти через рощу».

Синяя блуза почтальона, туго подпоясанная черным кожаным ремнем, быстро и мерно двигалась вдоль зеленой ивовой изгороди а его трость – крепкая палка из остролистника – шагала рядом, в ногу с ним.

Он перешел Брендиль по стволу дерева, переброшенному с одного берега на другой; единственными перилами служила веревка, протянутая между двумя кольями, врытыми в землю.

Роща г-на Ренарде, мэра Карвлена, крупнейшего местного землевладельца, состояла из огромных старых деревьев, прямых, как колонны, и тянулась по левому берегу реки – границы этой необъятной зеленой кущи. Вдоль воды разросся кустарник,

пригретый солнцем, но в самой роще не росло ничего, кроме мха, густого, пышного, мягкого мха, распространявшего в неподвижном воздухе легкий запах прели и палого листа.

Медерик замедлил шаг, снял черное кепи, украшенное красным галуном, и отер лоб: в поле уже начинало припекать, хотя не было и восьми часов утра.

Но только он надел кепи и зашагал дальше, ускоряя шаги, как вдруг увидел у подножия дерева ножичек, маленький детский ножичек. Поднимая его, он заметил еще наперсток, а потом, в двух шагах от него, игольник.

Подобрав вещи, он подумал: «Надо будет отдать их господину мэру» – и снова пустился в путь, но теперь уже глядел в оба, ожидая найти что-нибудь еще.

Вдруг он резко остановился, как будто налетел на шлагбаум: в нескольких шагах от него на мху лежало совершенно обнаженное детское тело. Это была девочка лет двенадцати. Она лежала на спине, разметав руки, ноги были раздвинуты, лицо покрыто носовым платком, бедра слегка испачканы кровью.

Медерик приблизился на цыпочках, как будто ему угрожала опасность, вытаращив глаза.

Что это? Она, верно, спит? Но потом он рассудил, что никто не станет спать, раздевшись догола, в половине восьмого утра, в сыроватой тени деревьев. Тогда, значит, она мертва и здесь совершено преступление. При этой мысли холодная дрожь пробежала у него по спине, хотя он и был старый солдат. Да и к тому же в их местах убийство, и притом еще убийство ребенка, было такой редкостью, что он не верил своим глазам. У девочки не было ни одной раны, только на ноге запеклось немного крови. Как же ее убили?

Он подошел к ней вплотную и глядел, опершись на палку. Конечно, он должен был знать ее, как знал всех местных жителей, но, не видя лица, не мог угадать ее имени. Он нагнулся было, чтобы снять платок, покрывавший ее лицо, но остановился: неожиданная мысль удержала его руку.

Имеет ли он право менять что-нибудь в положении трупа до осмотра его представителями правосудия? Правосудие представлялось ему чем-то вроде генерала, который все замечает

и придает оторванной пуговице не меньшее значение, чем удару ножом в живот. Под этим платком, быть может, обнаружат самую главную улику; ведь это – вещественное доказательство, а оно, пожалуй, потеряет свою силу от прикосновения неловкой руки.

Он выпрямился и решил скорее бежать к господину мэру, но другая мысль снова остановила его. Если девочка еще жива, он не может оставить ее в таком положении. Он тихонько опустил руку на колени, из осторожности – подальше от нее, и протянул руку к ее ноге. Нога была окоченевшая, охваченная тем ледяным холодом, который делает мертвую плоть такой страшной и уже не оставляет никаких сомнений. При этом прикосновении почтальон почувствовал, как рассказывал он после, что сердце у него перевернулось, а во рту пересохло. Быстро вскочив, он пустился бежать через рощу к дому г-на Ренарде.

Он бежал ровным бегом, держа палку под мышкой, сжав кулаки, вытянув голову; кожаная сумка, набитая письмами и газетами, мерно ударяла его по боку.

Дом мэра был расположен на краю леса, служившего ему парком, и одним углом уходил в маленькую заводь, образованную в этом месте Брендилью.

Это было большое квадратное здание из серого камня, очень старое, перенесшее не одну осаду в былые времена, и завершалось оно огромной башней в двадцать метров вышиной, выстроенной в воде.

С вышки этой крепости караульщики когда-то озирали окрестности. Неизвестно почему, ее прозвали башней Ренар [1]; отсюда, очевидно, произошло и имя Ренарде, которое носили владельцы этого поместья, бывшего их родовой собственностью уже более двухсот лет, ибо Ренарде принадлежали к той буржуазной знати, которая часто встречалась в провинции до революции.

Почтальон вбежал в кухню, где завтракала прислуга, и крикнул: – Что, господин мэр встал? Мне нужно поговорить с ним сейчас же.

Медерик был известен как человек солидный и положительный, я все сразу поняли, что произошло нечто важное.

Г-ну Ренарде доложили, и он приказал впустить посетителя. Бледный, запыхавшийся почтальон, держа кепи в руке, предстал перед мэром, сидевшим за длинным столом, заваленным бумагами.

[1] Renard (франц.) – лисица.

Мэр был плотный и крупный мужчина, грузный и краснолицый, сильный, как бык, и очень любимый в округе, несмотря на свой крутой нрав. Ему было лет сорок, он овдовел полгода назад и жил на своей земле как деревенский дворянин. Из-за своего бурного темперамента он не раз попадал в неприятные истории, но его неизменно выручали чиновники Рожи-ле-Тора, снисходительные и верные друзья. Разве не он сбросил однажды с козел кондуктора дилижанса за то, что тот чуть было не раздавил его сеттера Микмака? Разве не он переломал ребра сторожу, который составил протокол, увидав мэра с ружьем в руках на участке, принадлежавшем соседу? Разве не он схватил за шиворот супрефекта, остановившегося в деревне во время служебной поездки, которую г-н Ренарде принял за предвыборную поездку? Ведь г-н Ренарде, по семейным традициям, находился в оппозиции к правительству.

Мэр спросил:

– Что случилось, Медерик?

– Я нашел в вашей роще мертвую девочку.

Ренарде вскочил; лицо его стало кирпичного цвета.

– Что вы говорите?... Девочку?

– Да, сударь, девочку, голую девочку, она лежит на спине, в крови, мертвая, совсем мертвая.

– Черт возьми, бьюсь об заклад, что это маленькая Рок. Мне сейчас сообщили, что она вчера вечером не вернулась домой. Где вы ее нашли?

Почтальон описал место, рассказал все подробности и предложил проводить туда мэра.

Но Ренарде резко сказал:

– Нет. Вы мне не нужны. Сейчас же пришлите ко мне полевого сторожа, секретаря мэрии и доктора, а сами продолжайте свой обход. Живо, живо, отправляйтесь и скажите им, чтобы они ждали

меня в роще.

Почтальон, привыкший к дисциплине, повиновался и вышел, хотя был раздосадован и огорчен тем, что ему не придется присутствовать при осмотре.

Мэр тоже вышел, взяв шляпу, большую широкополую шляпу из мягкого серого фетра, и на мгновение остановился на пороге дома. Перед ним расстился широкий газон, на котором сверкали три крупных пятна – красное, синее и белое: три пышных клумбы с распустившимися цветами, одна перед домом и две по бокам. Дальше поднимались в небо первые деревья рощи, а слева, за Брендилю, расширявшейся в пруд, тянулись бесконечные поля, целый край, зеленый и плоский, пересеченный канавками и рядами им, приземистых, карликовых, похожих на чудовища, с обрубленными сучьями и с дрожащим пучком веток на вершине толстого короткого ствола.

Справа, за конюшнями, за сараями, за всеми службами усадьбы, начиналось село, богатое село скотоводов.

Ренарде неторопливо спустился по ступенькам крыльца и, свернув влево, медленным шагом пошел вдоль берега, заложив руки за спину. Он шел, опустив голову, и время от времени оглядывался по сторонам, не идут ли те, за кем он послал.

Очутившись под деревьями, он остановился, снял шляпу и отер лоб, – так же, как это сделал Медерик: раскаленное июльское солнце огненным дождем изливалось на землю. Мэр пошел дальше, остановился еще раз, повернул обратно. Вдруг он нагнулся, намочил носовой платок в реке, бежавшей у его ног, и покрыл им голову под шляпой. Капли воды текли у него по вискам, по ушам, всегда багровым, по могучей красной шее и исчезали одна за другой за белым воротником рубашки.

Так как никого еще не было, мэр начал постукивать ногой об землю, а потом крикнул:

– Ау! Ау!

Чей-то голос откликнулся справа:

– Ау! Ау!

И под деревьями показался доктор. Это был маленький тощий человечек, бывший военный хирург, которого во всей округе считали очень искусным врачом. Он хромал, так как был ранен на

военной службе, и при ходьбе опирался на палку.

Затем они увидели сторожа и секретаря мэрии, которые были извещены одновременно и потому явились вместе. У них были испуганные лица, и они задыхались, потому что для скорости то шли, то бежали и при этом так сильно размахивали руками, что, казалось, работали ими гораздо успешнее, чем ногами.

Ренарде спросил у доктора:

– Вы знаете, в чем дело?

– Да, Медерик нашел в лесу мертвого ребенка.

– Верно. Идемте.

Они пошли рядом, а двое других следовали за ними. Их ноги беззвучно ступали по мху; глаза что-то искали там, впереди.

Вдруг доктор Лабарб протянул руку:

– Смотрите, вон там!

Очень далеко под деревьями можно было различить что-то светлое. Если бы они не знали, что именно, то не догадались бы. Оно казалось блестящим и белым и походило на упавшее в траву белье: луч солнца, проскользнув сквозь листву, освещал бледную плоть, падая широкою косою полосой поперек живота. Приближаясь, они постепенно начинали различать тело, покрытую голову, обращенную к реке, и обе руки, раскинутые, как на распятые.

– Мне страшно жарко, – сказал мэр.

И, нагнувшись к реке, он снова намочил платок и положил его на лоб.

Доктор, заинтересованный находкой, ускорил шаг. Подойдя к трупу, он нагнулся, чтобы рассмотреть его, не прикасаясь к нему. Он надел пенсне, точно разглядывал какую-то достопримечательность, и медленно обошел вокруг тела.

Еще не разгибаясь, он объявил:

– Изнасилование и убийство, что мы сейчас и установим. Эта девочка, впрочем, почти женщина: взгляните на ее грудь.

Обе груди, уже довольно полные, опали, тронутые смертью.

Доктор осторожно приподнял платок, закрывавший лицо. Оно было черное, страшное; язык высунут, глаза выкатились. Он продолжал:

– Черт возьми, ее задушили после того, как дело было сделано.

Он ощупал шею:

– Задушили руками, и притом не оставив никаких следов, – ни царапины ногтем, ни отпечатка пальцев. Очень хорошо. Да, действительно, это маленькая Рок.

Он опять осторожно накрыл ее платком.

– Мне здесь делать нечего: она умерла по крайней мере часов двенадцать тому назад. Надо сообщить следственным властям.

Ренарде стоял, заложив руки за спину, и не сводил глаз с маленького тела, распростертого на траве. Он прошептал:

– Какой мерзавец! Надо бы отыскать ее платье.

Доктор ощупал плечи, руки и ноги.

– Вероятно, она купалась перед этим, – сказал он. – Вещи, должно быть, остались на берегу.

Мэр распорядился:

– Пренсип (так звали секретаря мэрии), пойді поищи на берегу ее тряпки, а ты, Максим (так звали сторожа), сбегай в Рожи-ле-Тор и приведи следователя и жандармов. Чтобы через час они были здесь. Слышишь?

Оба подчиненных быстро удалились, и Ренарде обратился к доктору:

– Какой же это негодяй мог выкинуть такую штуку в нашей местности?

– Как знать? – тихо ответил доктор. – На это способен каждый. То есть каждый в отдельности и никто вообще. Но вернее всего это какой-нибудь бродяга, какой-нибудь безработный мастеровой. С тех пор как у нас республика, они вечно шляются по дорогам.

И доктор и мэр были бонапартистами.

Мэр подтвердил:

– Конечно, это мог сделать только чужой, какой-нибудь прохожий или бродяга, у которых нет ни хлеба, ни крова...

– Ни женщины, – добавил доктор с подобием улыбки. – Ужина и ночлега у него не было, так он поживился, чем мог. Трудно представить себе, сколько мужчин на свете способны в известную минуту на подобное преступление. Вы знали, что девочка пропала?

И концом трости он стал перебирать один за другим застывшие пальцы покойницы, нажимая на них, как на клавиши рояля.

– Да. Мать приходила ко мне вчера, часов в девять вечера, так как девочка не вернулась в семь часов к ужину. Мы до полуночи звали ее по всем дорогам, но не подумали о роще. Да и надо было дожидаться дня, чтобы поиски действительно могли увенчаться успехом.

– Хотите сигару? – предложил доктор.

– Спасибо, не хочется. От всего этого мне не по себе.

Они все еще стояли над хрупким телом подростка, таким бледным на темном мху. Огромная навозная муха, прогуливаясь по бедру, остановилась у кровавых пятен, поползла дальше, кверху, поднимаясь по боку быстрым и скачущим бегом, взобралась на одну грудь, потом спустилась, чтобы обследовать другую, стараясь отыскать на этом трупе что-нибудь съедобное. Мужчины следили за движущейся черной точкой.

Доктор сказал:

– Как это красиво – муха на коже. Недаром дамы прошлого века наклеивали на лицо мушки. Почему, собственно, это вышло из моды?

Мэр, казалось, не слышал его, погружившись в раздумье.

Но вдруг он обернулся, уловив какой-то шум: под деревьями бежала женщина в чепце и в синем фартуке. Это была мать девочки, тетушка Рок. Увидев Ренарде, она тотчас же заголосила: «Дочка моя, где моя дочка?» Она до того обезумела, что и не глядела на землю. И вдруг, при виде трупа, она остановилась, как вкопанная, сложила руки, вскинув их над головой, испустила отчаянный, пронзительный вопль, вопль раненого животного.

Потом она бросилась к телу, упала на колени и подняла, скорее, сорвала, платок, закрывавший голову. Увидев страшное, почерневшее, искаженное лицо, она сразу вскочила, потом рухнула на землю и зарылась лицом в густой мох, издавая ужасные протяжные крики.

Ее длинное тощее тело, обтянутое платьем, сводило судорогой. Видно было, как вздрагивали костлявые щиколотки и худые икры в грубых синих чулках; скрюченными пальцами она рыла землю, как будто хотела выкопать яму и укрыться в ней.

Взволнованный доктор прошептал: «Несчастливая старуха!» Ренарде

почувствовал вдруг какое-то странное ощущение в животе, потом он громко чихнул, сразу носом и ртом, вытащил носовой платок, закрылся им и расплакался, шумно кашляя, всхлипывая и сморкаясь. Он лепетал:

– Про... про... проклятое животное... я... я бы его на гильотину!..

Но вот появился Пренсип с понурым видом и пустыми руками. Он пробормотал:

– Я ничего не нашел, господин мэр, ровно ничего и нигде.

Расстроенный мэр ответил осипшим голосом, захлебываясь от слез:

– Чего ты не нашел?

– Да девочкиных тряпок.

– Ну... ну... еще поищи... и... и... смотри, найди... иначе будешь иметь дело со мной.

Пренсип, зная, что мэру лучше не противоречить, уныло удалился, искоса и боязливо поглядывая на труп.

Вдали, под деревьями, послышались голоса, нестройный гул, шум приближающейся толпы: Медерик во время своего обхода разнес новость из дома в дом. Местные жители, совершенно ошеломленные известием, сперва переговаривались через улицу, с порога своих домов, потом сошлись вместе, несколько минут спорили, обсуждали событие, а затем отправились посмотреть своими глазами, что случилось.

Они появлялись отдельными кучками, немного смущенные и взволнованные, страшась первого впечатления. Увидев тело, они остановились, не решаясь подойти ближе, перешептываясь между собой. Потом осмелели, сделали несколько шагов, остановились, опять двинулись вперед и обступили мертвую девочку, ее мать, доктора и Ренарде густую, взволнованной, шумной толпой, круг которой все суживался под напором вновь прибывающих и вскоре подошел вплотную к телу. Некоторые даже нагибались, чтобы потрогать его. Доктор отстранил их. Но мэр вышел вдруг из оцепенения, рассвирепел и, схватив палку доктора Лабарба, бросился на своих сограждан с криком: «Вон... вон отсюда... скоты... убирайтесь!..» В одно мгновение цепь любопытных отодвинулась метров на двести.

Тетушка Рок поднялась, обернулась и села. Теперь она плакала,

закрыв лицо руками.

В толпе обсуждали событие; жадные взгляды парней шарили по обнаженному молодому телу. Ренарде заметил это, сорвал с себя полотняный пиджак и набросил его на девочку; широкая одежда закрыла ее целиком.

Зеваки потихоньку приблизились опять; роща наполнялась народом; непрерывный гул голосов разносился под густой листвой высоких деревьев.

Мэр стоял без пиджака, с палкой в руке, в воинственной позе. Любопытство толпы, по-видимому, приводило его в бешенство, и он повторял:

– Если только кто-нибудь посмеет подойти, я размозжу ему голову, как собаке!

Крестьяне сильно побаивались его и старались держаться поодаль. Доктор Лабарб, продолжавший курить, подсел к тетушке Рок и заговорил с ней, чтобы ее рассеять. Она тотчас же отвела руки от лица и ответила потоком жалобных слов, изливая свое горе в обильных речах. Она рассказала ему всю свою жизнь – замужество, смерть мужа-погонщика, которого забодал бык, детство дочери, – все свое жалкое существование вдовы с ребенком, без всяких средств. У нее никого не было, кроме маленькой Луизы, и вот ее убили, убили здесь, в лесу. Ей вдруг захотелось еще раз взглянуть на девочку; она подползла на коленях к трупу, подняла край прикрывавшей его одежды, потом опустила его и снова принялась голосить. Толпа молчала, жадно следя за каждым движением матери.

Но вдруг все шумно задвигались, и слышались крики:

– Жандармы! Жандармы!

Вдали показались два жандарма. Они ехали крупной рысью, сопровождая капитана и маленького человечка с рыжими баками, подпрыгивавшего, как обезьяна, на высокой белой кобыле.

Сторож застал следователя, г-на Пютуана, в тот самый момент, когда он садился на лошадь, чтобы отправиться на ежедневную верховую прогулку: следователь, к великой потехе офицеров, считал себя прекрасным наездником.

Он спешил вместе с капитаном, пожал руку мэру и доктору и окинул пронзительным взглядом полотняный пиджак, приподнятый

лежащим под ним телом.

Ознакомившись со всеми обстоятельствами происшествия, он прежде всего приказал удалить публику; жандармы вытеснили ее из рощи, но толпа вскоре появилась на лугу, и вдоль Брендили по ту сторону реки образовалась настоящая изгородь, длинная изгородь движущихся возбужденных голов.

Потом доктор, в свою очередь, начал давать объяснения, которые Ренарде заносил карандашом в записную книжку. Показания были сняты, зарегистрированы, обсуждены, но ни к чему не привели. Пренсип также вернулся с пустыми руками, он не нашел никаких следов одежды.

Исчезновение платья поражало всех; его можно было бы объяснить только кражей, но так как эти лохмотья не стоили и двадцати су, то всякая мысль о краже отпадала.

Следователь, мэр, капитан, доктор сами взялись за поиски и, разделившись попарно, обшарили даже самые мелкие кустики у воды.

Ренарде спросил следователя:

– Как же могло случиться, что этот негодяй спрятал или унес тряпки, а тело оставил на открытом месте, на самом виду?

Тот ответил с таинственным и проницательным видом:

– Хе-хе! Вероятно, обычная уловка. Это преступление совершил либо просто скот, либо отъявленный мерзавец. Во всяком случае, мы это быстро раскроем.

Шум катящегося экипажа заставил их обернуться: приехали товарищ прокурора, доктор и письмоводитель суда. Поиски возобновились, завязался оживленный разговор.

– Знаете что, – сказал вдруг Ренарде, – оставайтесь у меня завтракать.

Все с улыбкой приняли приглашение, и следователь, полагая, что на сегодня маленькой Рок уделено достаточно внимания, обратился к мэру:

– Можно приказать перенести тело к вам? У вас найдется, вероятно, свободная комната до вечера?

Но мэр смутился и забормотал:

– Нет... нет... По правде сказать, мне не хотелось бы брать тело к себе... из-за... из-за... прислуги... Они... они и так уж поговаривают о

привидениях... в башне, в башне Ренар... знаете... Они у меня все разбегутся... нет... я бы не хотел, чтобы оно было у меня в доме.

Следователь улыбнулся:

– Хорошо. Я прикажу сразу же отправить тело в Роюи для вскрытия.

И, обратись к товарищу прокурора, спросил:

– Разрешите воспользоваться вашим экипажем?

– Пожалуйста.

Все вернулись к трупу. Тетушка Рок сидела теперь рядом с дочерью, держа ее за руку и уставившись прямо перед собой мутным, оцепеневшим взглядом.

Оба врача пытались увести ее, чтобы она не видела, как унесут девочку, но она тотчас же догадалась, что будет, и, бросившись на тело, обхватила его обеими руками. Лежа на нем, она кричала:

– Не отдам, это мое, это пока мое!.. Убили ее у меня, так не отдам, пусть она хоть побудет со мной!

Мужчины смущенно и нерешительно стояли вокруг матери. Ренарде опустился рядом с ней на колени, чтобы уговорить ее:

– Послушайте, матушка Рок, ведь нужно взять ее, чтобы узнать, кто ее убил; иначе мы не узнаем, а надо же его найти и наказать. Вам ее вернут, когда мы его разыщем, обещаю вам.

Этот довод поколебал женщину, и в ее блуждающем взгляде вспыхнула ненависть.

– Так его поймут? – спросила она.

– Да, обещаю вам.

Она встала, готовясь уступить, но, когда капитан пробормотал: «Все-таки странно, что не нашли одежду», – у нее внезапно возникла новая мысль, до сих пор не приходившая в ее голову крестьянки, и она спросила:

– А как же одежда? Она моя, отдайте ее мне. Куда ее давали?

Ей объяснили, что одежду никак не могут найти; но она требовала ее с отчаянным упорством, с плачем и причитаниями:

– Она моя! Отдайте ее мне! Где она? Отдайте!

Чем больше ее старались успокоить, тем сильнее она рыдала и настаивала на своем. Теперь она уже не просила тело, она желала только получить вещи, вещи дочери, столько же, может

быть, из бессознательной жадности бедняка, которому серебряная монета кажется целым состоянием, сколько из материнского чувства.

Когда маленькое тело, завернутое в одеяло, за которым послали к Ренарде, скрылось в экипаже, тетушка Рок, стоя под деревьями, поддерживаемая мэром и капитаном, запричитала:

– Ничего у меня не осталось, ничего, ничего на свете, совсем ничего, даже ее чепчика, даже чепчика; ничего у меня нет, ничего нет, даже ее чепчика!

В это время появился кюре, совсем еще молодой, но уже успевший растолстеть священник. Он взялся проводить мать до дому, и они пошли вместе к деревне. Ее горе утихало под влиянием сладких речей священника, сулившего ей в будущем множество воздаяний. Но она не переставала твердить: «Будь у меня хоть ее чепчик...», – привязавшись к этой мысли, вытеснившей теперь все остальное. Ренарде крикнул издали:

– Господин аббат, приходите завтракать с нами! Через часок!

Священник обернулся и ответил:

– С удовольствием, господин мэр. Я буду у вас к двенадцати.

Все направились к дому; его серый фасад и высокая башня у берега Брендили виднелись сквозь ветви.

Завтрак длился долго; говорили о преступлении. Все единодушно признали, что оно совершено каким-нибудь бродягой, случайно проходившим мимо, когда девочка купалась в реке.

Потом чиновники уехали в Роюи, обещая возвратиться завтра с утра, доктор и кюре тоже отправились по домам, а Ренарде после долгой прогулки по лугам пошел в рощу и медленными шагами бродил там до самой ночи, заложив руки за спину.

Он лег очень рано и еще спал, когда утром к нему в комнату вошел следователь и сказал с довольным видом, потирая руки:

– Ах, вы еще спите! Ну, дорогой мой, у нас сегодня новости.

Мэр сел на кровати.

– Что такое?

– О! Нечто весьма странное! Помните, как мать просила вчера что-нибудь на память о дочери, в особенности ее чепчик. Так вот, сегодня утром открывает она дверь – и находит на пороге маленькие сабо девочки. Это доказывает, что преступление

совершил кто-то из местных жителей, кто-то, кому стало жалко мать. А потом почтальон Медерик принес мне наперсток, игольник и ножичек убитой. Значит, убийца, унося ее тряпки, чтобы их спрятать, выронил вещи из кармана. Мне лично особенно важным кажется то, что вернули башмаки; этот факт свидетельствует об известной моральной культуре убийцы и о том, что он не лишен чувствительности. Если вы не возражаете, мы могли бы перебраться с вами главнейших местных жителей.

Мэр встал. Он позвонил, чтобы подали горячую воду для бритья, и ответил:

– Пожалуйста, но это будет довольно долго, так что лучше начнем сейчас же.

Г-н Пютуан уселся верхом на стул, – он даже в комнате не могу отрешиться от своей мании верховой езды.

Ренарде намылил перед зеркалом подбородок, потом выправил на ремне бритву и продолжал:

– Главный житель Карвлена – Жозеф Ренарде, мэр, богатый землевладелец, грубиян, колотит сторожей и кучеров...

Следователь засмеялся:

– Достаточно... Перейдем к следующему...

– Второй по положению – господин Пельдан, помощник мэра, скотовод, тоже богатый землевладелец, хитрый крестьянин, выжига, очень изворотливый в денежных делах, но, по-моему, на такое преступление он не способен.

Г-н Пютуан сказал:

– Дальше.

И, бреясь, а затем умываясь, Ренарде произвел моральный смотр всем жителям Карвлена. После двухчасовой беседы их подозрения остановились на трех довольно сомнительных личностях: на браконьере по имени Каваль, на Паке, промышлявшем ловлей раков и форелей, и на погонщике быков Кловисе. Некаулар